

Глава 19. Счетная книга и документы на право собственности

Теплые солнечные лучи, пробиваясь сквозь оконное стекло, заскользили по тяжелому пологу кровати и разбудили спящего. Се Нань поморщился, заслоня ладонью глаза от режущего света, затем нехотя разомкнул веки и сладко зевнул. Вчерашняя кутерьма вымотала его без остатка, и сегодня он безбожно проспал.

Повернув голову, он обнаружил, что постель рядом давно опустела. Лу Шэн поднялся намного раньше. Се Нань в очередной раз усомнился: а действительно ли его супруг вчера перебрал лишнего? Разве может пьяный в стельку человек просыпаться ни свет ни заря?

Тяжелая занавесь скользнула в сторону, и в проеме показался Лу Шэн — уже полностью одетый и гладко причесанный.

— Проснулся? — негромко спросил он.

Се Нань кивнул и, спуская ноги на прохладный пол, поинтересовался:

— Ты вчера знатно приложился к бутылке. Как голова? Не трещит?

Лу Шэн покачал головой:

— Все в порядке, не стоит беспокоиться. С хмелем у меня разговор короткий: стоит протрезветь — и из памяти все напрочь стирается. Я вчера... не позволил себе ничего лишнего?

Вспомнив вчерашние откровения, Се Нань лишь вздохнул и покачал головой:

— Да уж, ничего такого.

«Зато я с тобой проболтал полночи, как дурак».

Лу Шэн степенно кивнул, всем своим видом показывая, что события минувшей ночи действительно канули в небытие. И лишь ему одному было известно, каких трудов стоило сохранять это невозмутимое выражение лица, как сильно приходилось сжимать челюсти, чтобы не выдать себя перед Се Нанем. Ему до безумия хотелось спросить, что же значили те вчерашние слова. Хотелось выведать, как тот намерен поступить дальше. Вопросов было слишком много.

— Ну что ж, тогда я поеду в лавку одежды, — засобирався Лу Шэн.

Се Нань кивнул, провожая его взглядом, однако и сам затягивать с подъемом не стал. В его планах на сегодня значился визит в издательство.

Однако едва Се Нань успел умыться и привести себя в порядок, как на пороге возникла служанка Старой госпожи Лу. Старуха требовала его к себе.

Се Нань недовольно нахмурился. Вчера его погнали встречать пьяного супруга, и он беспрекословно подчинился. Какую еще пакость выкинула эта старая карга теперь?

— Понял, — отозвался Се Нань. — Передай ста... передай матушке, что я скоро буду.

— Слушаюсь, — поклонилась служанка.

Тем временем Лу Шэн уже ехал по оживленным улицам. Недавно в магазин одежды завезли новую партию товара, которую он лично заказывал, и теперь его главной заботой было отследить, как на новинки отреагирует искушенная публика. У семьи Лу, разумеется, имелись и собственные ткацкие мануфактуры с лавками, но времена менялись стремительно. Нынешняя молодежь и богачи все охотнее косились на заморские фасоны, отчего традиционная торговля шелком и парчой хирела на глазах. Он уже подумывал нанять в семейные мастерские толковых портных, обучить их кройке европейского платья и, возможно, даже запустить собственную линию модной одежды.

Шофер, собиравшийся напрямик доставить молодого господина в лавку одежды, внезапно услышал из-за спины негромкое:

— Сверни к деньгохранилищу.

— Слушаюсь.

Будучи богатейшим семейством в Цзяньнани, Лу держали собственные прославленные деньгохранилища — традиционные банки, приносившие львиную долю всех доходов. Разумеется, у Лу Шэна там был открыт личный счет, на котором за долгие годы скопилась внушительная сумма.

Управлял этим заведением верный человек Старой госпожи. Для нее деньгохранилище оставалось оплотом власти, и делиться им ни с кем из сыновей она не спешила. Лу Шэн вошел туда как обычный посетитель и встал в очередь к конторке. Новоиспеченный юнец-служачий даже не признал в скромно одетом господине старшего наследника рода Лу.

Едва Лу Шэн забрал бумаги и покинул зал, к конторке бесшумной тенью подошел управляющий.

— Зачем приходил этот господин? — вполголоса спросил он.

Паренек недоуменно моргнул, про себя подумав: «А зачем еще в банк ходят? Либо кладут монеты, либо забирают». Однако вслух он ответил со всем возможным почтением:

— Этот господин закрыл счет и забрал все деньги до последнего гроша.

— Все до последнего гроша?! — выдохнул управляющий.

Он посерьезнел. Развернувшись, он поспешил к себе в кабинет.

В самом визите старшего молодого господина не было ничего предосудительного, но то, что он без лишнего шума опустошил свой личный счет, настораживало. Никаких крупных сделок семья Лу в ближайшее время не планировала. А ведь на счету Лу Шэна лежало ни много ни мало — десять миллионов серебряных юаней! Сумма астрономическая, на нее можно было скупить половину торгового квартала вместе со зданиями.

Управляющий лихорадочно соображал. Он хоть и числился главой деньгохранилища, но Старая госпожа строго-настрого велела ему доносить о каждом шаге сыновей. Движение капитала всегда красноречивее любых слов выдает намерения человека.

«Похоже, мне придется нанести визит в поместье Лу».

Лу Шэн прекрасно догадывался, что мать держит их счета под неусыпным надзором. Однако эти средства были нужны ему позарез. И даже если матушка потребует отчета — пусть. Это его личные сбережения, накопленные за много лет, и он волен распоряжаться ими по собственному усмотрению.

Тем временем Се Нань явился на зов Старой госпожи.

С глухим стуком на полированную поверхность стола легла увесистая тетрадь в синем кожаном переплете. Старуха смерила зятя холодным, оценивающим взглядом.

— Взгляни, — ровным голосом произнесла она. — Здесь собраны все приходы и расходы Павильона у воды за последние несколько лет. Прежде хозяйством там занималась я, но раз уж ты вошел в наш дом как супруг Лу Шэна, эти заботы по праву переходят к тебе. Надеюсь, ты не ударишь в грязь лицом. Впрочем, если не справишься — не беда. Только тогда не обижайся, когда я лично возьмусь за твое обучение.

Се Нань принял счетную книгу и почтительно склонил голову:

— Не беспокойтесь, матушка. Я приложу все усилия.

Старая госпожа удовлетворенно кивнула и извлекла из лакированной шкатулки несколько

плотных листов, испещренных каллиграфическими иероглифами.

— Возьми. Это документы на право собственности на торговые лавки. В свое время я обещала сыновьям: как только они обзаведутся семьями, каждый получит по делу. Второму и третьему сыну их доли уже выделены. Теперь пришел ваш черед. Эти заведения переходят вам.

Се Нань осторожно взял бумаги, за которыми крылось целое состояние. Перелистав листы, он обнаружил три гербовые грамоты — три готовых, приносящих доход дела.

Старая госпожа Лу отпила глоток свежесваренного чая, зорко наблюдая из-под полуопущенных век за выражением лица зятя. Она уловила удивление, легкое недоумение, но — к ее глубокому изумлению — ни тени алчности. Сердце ее невольно дрогнуло.

— Все три лавки переписаны на имя Лу Шэна, — добавила она уже мягче. — С этого дня они станут вашим надежным подспорьем. Надеюсь, ты сумеешь вести дела разумно.

— Раз уж это имущество Лу Шэна, отчего бы ему самому не заняться лавками? — любопытствовал Се Нань.

Старуха сощурилась, в ее голосе проскользнули ледяные нотки:

— Что? Недоволен, что документы на право собственности выписаны не на твое имя?

— Ни в коем случае, — спокойно покачал головой Се Нань.

— Раз уж вошел в семью, изволь чтить мужа, — строго наставила его госпожа Лу. — К тому же Шэн — старший сын, на его плечах лежат все глобальные дела нашего рода. Ему недосуг отвлекаться на подобную мелочь. Так что забота об этих лавках ложится исключительно на тебя.

Се Нань про себя лишь горько усмехнулся. Стало быть, его просто решили припрятать как бесплатную рабочую силу. Возражать в его положении было бессмысленно, оставалось лишь смиренно склонить голову.

— Слушаюсь, матушка.

Старуха удовлетворенно прикрыла глаза.

— Вот и славно. А теперь присаживайся и покажи мне, как ты умеешь сводить счета.

«Сводить счета?!»

Се Нань нервно дернул бровью. Он в жизни не держал в руках счета! Стоит ему прикоснуться к этой штуковине, как обман мгновенно раскроется.

Служанка расторопно принесла тяжелые старинные счета из темного дерева. Делать было нечего — пришлось идти напролом. Се Нань поправил полы халата, уселся за стол и раскрыл счетную книгу.

Записи велись по новому республиканскому календарю, аккуратно, месяц за месяцем. Статьи расходов пестрели разнообразием: жалованье прислуге Павильона у воды, починка кровли, покупка удобрений для сада, счета от портных за новые костюмы для старшего молодого господина. В конце каждого раздела подводился итог ежемесячного содержания, выделяемого их двору главой дома. Если оставался излишек, его бережно переносили на следующий месяц, если случался перерасход — покрывали из старых запасов. Она велась безукоризненно, без помарок и подчисток.

Старая госпожа явно хотела устроить ему проверку. Се Нань занес ладонь над костяшками счетов, помедлил мгновение и, повернувшись к попивающей чай старухе, прямо признался:

— Матушка, я не умею пользоваться счетами.

Старуха от неожиданности поперхнулась чаем и глухо заходила в кашле. Се Нань тут же подскочил к ней, бережно придерживая за плечи и осторожно похлопывая по спине, помогая перевести дух.

— Не умеешь вести расчеты? — прокашлявшись, Старая госпожа сурово посмотрела на него. — Если не умеешь, отчего сразу не сказал, а дождался, пока я тебя не усажу за стол? Коли ты в простейшей арифметике не смыслишь, какая от тебя польза для Шэна?

Она искренне недоумевала, как этот парень дожил до своих лет. На неотесанного невежду он похож не был, грамоте явно обучен, но не знать счетной грамоты? В ее взгляде явственно проступило пренебрежение.

Се Нань поспешил объяснить:

— Вы не так поняли, матушка. Считать я умею. Просто никогда не пользовался счетами.

Старая госпожа недоверчиво приподняла бровь:

— Ерунда какая-то. Любой учитель, обучающий счету, первым делом показывает, как двигать костяшки. Как так вышло, что тебя обошли стороной?

— Я... — Се Нань замялся, не зная, как растолковать ей особенности современного школьного образования.

Старуха, впрочем, допытываться не стала. Она глубоко задумалась.

— Ладно. Считай по-своему, я погляжу.

— В таком случае, матушка, велите принести бумаги и чернил, — попросил Се Нань.

Вскоре перед ним легли чистые листы. Се Нань взял кисть, и на белой бумаге один за другим начали появляться изящные, аккуратные арабские цифры. Поскольку расчеты сводились к элементарным действиям, ему не составило труда выписать столбцы и быстро сложить их в уме. Для более громоздких сумм он использовал простые математические формулы, выводя промежуточные итоги прямо на полях.

Старая госпожа Лу, хоть и не понимала диковинных закорючек на бумаге, заглянув в итоговую графу, обмелела: цифры сошлись один в один с записями в счетной книге. Убедившись в способностях зятя, она тем не менее не пожелала уступить.

— Способ любопытный, — холодно заметила она. — Однако исконно на нашей земле дела без счетов не ведутся. То, что ты сейчас не умеешь ими пользоваться — не беда. Будешь приходить ко мне каждый день, я самолично обучу тебя счетному искусству.

Се Нань похолодел. Мало ему было этой головоломки, так теперь еще придется ежедневно лицезреть суровую старуху! Он поспешил вежливо отказаться:

— Матушка, зачем же мне утруждать вас? Я могу попросить Лу Шэна научить меня по вечерам. Негоже отвлекать вас от отдыха по таким пустякам.

Старая госпожа долго посмотрела на него и нехотя кивнула:

— Вы муж и жена, вам и делить тяготы пополам. То, что ты решил обратиться к нему, доказывает, что в голове у тебя не совсем пусто.

Се Наню оставалось лишь мысленно развести руками — крыть было нечем.

— Вы правы, матушка.

В этот момент в дверь тихо постучали. Вошедшая служанка склонилась к уху Старой госпожи и что-то быстро зашептала, после чего замерла в ожидании указаний.

Выслушав донесение, госпожа Лу коротко взглянула на зятя.

— Можешь идти. Если понадобится, я велю тебя позвать.

Се Нань только этого и ждал. Спешно поднявшись, он забрал со стола счетную книгу и документы на право собственности на лавки и поспешил откланяться.

Оставшись в одиночестве, Старая госпожа приказала служанке впустить гостя. С чего бы это управляющему деньгохранилищем так срочно искать с ней встречи?

Управляющий, Лу Чжунлян, происходил из старых слуг, выросших в поместье. Он пользовался безграничным доверием хозяйки, иначе она никогда бы не доверила ему бразды правления семейным банком.

— Госпожа, сегодня старший молодой господин наведлся в деньгохранилище, — почтительно доложил Лу Чжунлян, пытаясь по выражению лица хозяйки понять, не по ее ли воле действовал Лу Шэн.

Старая госпожа замерла, не успев приподнять фарфоровую крышечку пиалы.

— Шэн? — переспросила она.

Лу Чжунлян безмолвно кивнул.

— И зачем же он туда пожаловал?

Управляющий сразу все понял. Его догадка подтвердилась: старуха была не в курсе планов своего старшего сына.

— Я случайно столкнулся с ним в зале, — вкрадчиво заговорил Лу Чжунлян. — Оказалось, молодой господин закрыл свой личный счет и обналичил всю сумму без остатка. Я забеспокоился, не готовится ли в семье какое-то крупное дело, о котором мне надлежит знать, и решил испросить ваших указаний.

Старая госпожа Лу оставила без внимания его витиеватые оправдания. Ее зацепило главное:

— Ты утверждаешь, что Шэн забрал все свои сбережения?

— Все до последнего медяка, — подтвердил Лу Чжунлян.

В груди Старой госпожи шевельнулась глухая тревога. Уж кому, как не ей, знать собственного сына? За последние годы Лу Шэн накопил больше, чем его младшие братья вместе взятые, ведь он никогда не отличался расточительностью. И вдруг он забирает всё, даже не поставив ее в известность. На что ему могла понадобиться столь баснословная сумма?

Однако перед подчиненным она не подала виду. Лишь властно кивнула:

— Хорошо. Продолжай наблюдать. Если Шэн явится вновь и попытается под залог имени семьи Лу затребовать казенные деньги деньгохранилища — помни: не выдавать ему ни единого медного юаня.

— Слушаюсь, госпожа. Позвольте откланяться.

— Иди.

Старая госпожа Лу неторопливо поднесла пиалу к губам, но смотрела хищно и остро. Ей до безумия хотелось разузнать, какую игру затеял ее первенец.

Вернувшись в Павильон у воды, Се Нань прибрал счетную книгу и документы на право собственности в надежное место. Затем он открыл другой ящик письменного стола, бережно достал оттуда аккуратную пачку листов с набросками первых глав своего романа и, заперев за собой дверь, направился в город. Пришло время попытать счастья в издательстве.

Издательство «Цзяньнань» гремело на весь регион. Оно выпускало добрую дюжину газет и журналов самого разного толка — от серьезной политики до бульварных романов. Се Нань надеялся, что среди этого многообразия найдется уголок и для его детища.

Однако надежды его рухнули в одно мгновение. Не прошло и получаса, как Се Наня бесцеремонно выставили за дверь. Прямо на крыльцо вслед за ним выскочил щеголеватый редактор в дешевом западном костюме и круглых очках. Подрагивая тонкими усиками, он брезгливо потряс рукописью перед лицом автора.

— Парень, и ты с этой писаниной суешься в наше приличное издание? Совсем от нищеты рассудок потерял?!

С этими словами он с размаху швырнул листы в воздух. Белая метель закружилась над головой Се Наня, медленно оседая на грязную мостовую.

— Ах ты!.. — Се Нань до хруста сжал кулаки.

Кровь прилила к лицу, но он с трудом подавил яростный порыв броситься на наглеца. Сейчас важнее было спасти рукопись.

Легкий ветерок подхватил листы, безжалостно разнося их по людному переулку. Се Нань метался по улице, точно безумный ловец ветра, то и дело нагибаясь то за одним, то за другим листком. Прохожие равнодушно шагали мимо, некоторые наступали на исписанную бумагу грязными подошвами, и каждый такой шаг отзывался в груди Се Наня невыносимой болью, словно наступали на его собственное сердце.

Когда последний клочок бумаги был наконец спасен, Се Нань застыл посреди толпы. Внутри у него все клокотало от унижения и бессильной злобы. Он медленно обернулся и посмотрел на помпезную вывеску издательства «Цзяньнань». На душе было серо и пусто.

«Неужели то, что я пишу, действительно настолько ничтожно?»

Стоявший неподалеку маленький газетчик, наблюдавший за этой сценой, не выдержал. Подбежав к Се Наню, он дернул его за рукав:

— Господин, господин, да не убивайтесь вы так! Ну их, этих зазнаек из «Цзяньнань»! У нас в городе полно других издательств. Вот, поглядите, эти газетенки вечно ищут новых авторов. Может, попробуете отнести им?

Се Нань машинально взял протянутый мальчишкой листок. Собственно, ему было неважно, насколько солидно издательство, лишь бы печатали то, что ложится на душу...

Но стоило ему бросить беглый взгляд на полосу, как сердце сжалось. Кривой, небрежный шрифт, кричащие, пошлые заголовки — дешевый бульварный листок кормил нетребовательную публику грязными сплетнями и низкопробным вздором. Се Нань почувствовал себя так, словно его наотмашь хлестнули по щеке. Он молча вернул газету пареньку и зашагал прочь.

— Ишь ты, чистоплюй выискался, — донеслось ему в спину презрительное фырканье. — Писанина даром никому не нужна, а еще нос воротит!

Се Нань на мгновение замер. Слова мальчишки ударили наотмашь.

А ведь верно. Какое он имеет право презирать этот дешевый хлам? Кто он такой?

Обыкновенный неудачник, запутавшийся в собственных бесплодных грезах.

В Павильон у воды он вернулся сам не свой. Обеспокоенная Сяо Цзюй пыталась заговорить с ним, но он прошел мимо, не видя и не слыша ничего вокруг, с застывшим, мертвенным лицом.

Едва за ним захлопнулась дверь спальни, Се Нань, точно затравленный зверь, набросился на злосчастную рукопись. Он рвал листы с иступленной яростью, кромсая плоды своих бессонных ночей в мелкие клочья, и швырял их на пол. Белые обрывки кружились по комнате, устилая ковер — точь-в-точь как его разбитые надежды, которые безжалостная реальность только что растоптала в пыль.

Его душило беспросветное отчаяние. Там, в далеком будущем, он завоевывал любовь тысяч читателей своим упорным, ежедневным трудом. Здесь же его поднял на смех зачуханный уличный оборванец. О каких мечтах теперь вообще могла идти речь? О какой свободе?

Все это казалось глупой, нелепой шуткой.

Когда Лу Шэн переступил порог особняка, к нему навстречу испуганной птицей вылетела Сяо Цзюй:

— Молодой господин, слава богу, вы вернулись! Он заперся у себя еще в полдень и носу не показывает. Я пыталась до него докричаться, а он только прикрикнул на меня так, что у меня поджилки затряслись... Сходите к нему, умоляю!

Лу Шэн удивленно приподнял брови:

— Хочешь сказать, он вышел из себя?

Сяо Цзюй испуганно закивала.

— Хорошо, я понял, — мягко произнес Лу Шэн. — Ступай по своим делам. Я сам о нем позабочусь.

— Слушаюсь, — облегченно выдохнула служанка.

Тихо отворив дверь спальни, Лу Шэн застыл на пороге. Вся комната была завалена обрывками бумаги. В его душе шевельнулась смутная догадка, но вместо сочувствия он невольно едва заметно улыбнулся.

Все это время Се Нань держался подчеркнуто холодно, рассудительно, не позволяя себе ни единой слабости. Лу Шэну порой казалось, что этот человек отлит из стали и подступиться к нему невозможно. Но сегодня судьба преподнесла ему щедрый подарок. Защитная броня дала трещину. Противник смятен и беззащитен — лучшего момента для приступа было не сыскать.

С этими мыслями Лу Шэн бесшумно притворил за собой дверь и принялся терпеливо собирать с пола растерзанные клочки чужой души.

<http://bllate.org/book/20305/2162577>